

Телефонъ редакціи № 19.

Телефонъ конторы и типографіи № 15.

ЮЖНЫЙ КРАЙ

ЦѢНА № ВЪ ХАРЬКОВѢ . . . **3** коп.
въ конторѣ, у разносчиковъ
и на вокзалѣ.

Въ другихъ городахъ **5** коп.

ЦѢна № съ иллюстрированнымъ
приложеніемъ вездѣ **5** коп.

ЕЖЕДНЕВНО НЕ МЕНѢЕ **6**-ти СТРАНИЦЪ.

Харьковъ. Четвергъ, 25 Февраля (10 Марта) 1910 года.

ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ. № 9923.

НА ГРАНИ СЕЗОНА.

I.

Конец февраля, только надвигается март, но в воздухе уже чувствуются стовую весны, как-то вблизи, несущая смерть незадачной, неудавшейся в этом году зимы. Заканчивается театральный сезон, завершается сезон в области литературы, и в сфере, так называемых, высшей интеллигентских.

Над нашей малоречной и полнокровной жизнью выластует неограниченно и безраздельно... Сезонная политика, сезонные идеи, сезонная литература... Начинаясь сезон и — как «приникающие вид размышляющих» судьи в Парф-Голов — мы все принимаем вид живущих настоящей жизнью: «сидящих за литературой и искусством, волнующих «серединами вопросам» и... вылинувшие выхлуп то настоящих корней, настоящей перлюсповно — безомощно путаемся во всех модных течениях.

Заканчивается сезон, подвояются итоги, — сразу же чувствуется, что обжалась какая то внутренняя неправда, что живая жизнь не жиние люди, длавление жиде дла, а длаке то «длинник», после которых только и осталось, что много сору и пустыих бутылке от кашинской мадеры. «Догорит огни, облетят птицы». Нарядная зала небезжизна, после опонания бала, при дневном свдт, когда разойдетс на разные стороны шумная толпа, — длается похожей на гранитный. Заканчивается сезон, подвояются итоги, — «сладкой горькою обманутого сына над разойдетс на разные стороны шумная толпа, — длается похожей на гранитный.

Конец сезона в большей или меньшей степени всегда означает собой наду то грань. Что то заканчивается и уходит в прошлое, вот — вот прилетят новые птицы, и зазвучат, зазвенят новые трпсы...

Да жинет и прветь новое и нарождающееся, пусть гибнет и улетает старое и отжившее... Такую задачу жини. Но когда это закончик олицетвореся только во вид сивки сезонов — все дце вспоминается беспростолющ

офисер Мировоз в «Днях нашей жизни», отличающийся новый день от прежнего по тому правизно, что ночью он пьет кофе с лакером и коньяк, а утром снова берется за работу. «И вот, знаете — говорят это офисер — когда после бесонной ночи уомерся и снова за работу возьмешся — я это называю начать новую жиню».

В этот смысл новая жизнь начинается у нас каждый сезон. Бывают эпохи, когда властно и непреодолимо требуется иное.

II.

Сезоном интеллигентских песаний является у нас время с осени и до весны, от поща и до начала дачного периода. Мы снова стоим теперь перед началом этого периода недлания, и когда вспоминаеш об этом — перестаеш серьезно относиться ко всему, что несет с собой завершающийся сезон.

Вот — вот — пусть только яче привреть солнышко, пусть отрясе безжизная земля — и уйдут на дачу все эти богостроители и богостелатели, уйдут на дачу Гулькин и Тимошкин... Вросять бюджетная преня Гучовы и Макаловы, уйдут на дачу «вхивцы» с «антихристианами», уйдут и мистические апархисты. Все уйдут. Все ли только вернутся обратно к будущему сезону?

Дачное время — это не ново — является почему то рвшающимся: «дуть «на дачу» не возвращаются немного. Три года назад — вы помните? — уехали на дачу, но не вернулись брошюры Кутянского. В прошлом году безвозвратно уехали от нас выпроси пола в их специфическом вид...

Кто на очереди теперь? Кто, пренция, погнет об безжизненной «сочающей» старости, что, поин, придет в назвннх настоящими новыми доугами и привизнами, новыми идеями и образами или с дешевой трбовной подделкой?

На важной и рвшающей грань стоим мы в конци настоящего сезона. Какими без сипти — без собаний быть этот сезон. И, быть может, именно в силу этого такт асно, так очевидно, что излито старое, и цдет исключительно интересное, важное и рвшающее время. Дла идет уже о конци не только сезона, но, быть может, и дрой эпохи. В области обществественности и литературы, в сфере искусства вообще, и театра в частности, по всем — и в политикн, и во всей полнжн нашей чувствуется

какой то конци. На рвзкоме переломе, на грани новой эпохи жинем мы в лаш дни.

III.

Рвзкую грань принес нам в последний раз конец 1904-го и начало 1905-го года.

Умер Чехов, умерь Михайловский — какя глубоко символическая конция! — начрлась война, пришло 9-е января, буржуазно проправало особобитное движение. Чувствуется новая грань. Кончилось пятнадцатие — не время еще определить его итогов — но какая то полоса кончалась окончательно и безвозвратно. Мы на переломе, и да адрветстветь то новое и доброе, что разлетается вперед!

Пусть мертвые хоронят мертвых. «Завтра мысля многим нам прдана уверем, а сегодня с ликованием над томиками пройдем»...

Если остался в преддлах литературы — существование рвшой грани (станет особенно отчетливым и замтымым. «Никому не вдрать!» вот главное впечатление от настоящего дня. Беспредельно разнлалось и пропало недавнее обаяние томильских журналов. Они потеряли значение кафедры, с которой вдалн уплели жини.

Не воспитывали толпу, а только растерли и угодили ей в кулак все последние годы и «Мир Божий» («Современный Мир») с его «Санним», и пошнее теперь «Образование» с «Мелом» Каменского, и «Русская Мысль» с ее последние образцы, или молоду Чухомско, или всезнающая марксистам, ни желающих ничего зная домороненных нишащаных...

Такое состояние может быть только переходным; возможно только на переломе. Длительнo такому не вдрать — психологически невозможно.

Они удают, они близки — новые идеи и слова, новые привизны, новые темы и новые автор. Они удают, они близки уже — новые молитвы и новый фанатизм. Пусть мертвые хоронят мертвых. «Завтра мысля многим нам прдана уверем... А сегодня с ликованием по могилам мы пройдем»...

— Спите, покойники! Вечная память заблудившим и разочарованным шагнам... Пусть больше составяют долю пошлеть судьба новому периоду, пусть горькой садышкой, вымг укорот, выкалжннн онь недания думи и переживания шагн!

IV. Перестать читать Баранчикова — это не значит еще возлюбить Владимира Тюркина. Волна внимания схлынула с его берега, гдъ было «Знание» и толстые журналы, но уровень не понизился и на нашем берегу — берегу модернизтов. Жалостной прихотью богатого куща стало «Золотое Руно». На положении кружкового — только случайно и руконисного — журнала пребывали яро полемизирующие со всеми и всеми «Вссм». Не обрадовался и новый продлажатель их дла «Аполлон»... Нтъ, не в созвдннх «Скорпиона» — вышкнеть новая грудная зрелая. Выстрелил, даде, значение и «Шиповника». Его альманахи — эти «Новые ковчегн» — вытцающие «вской твари по парь» — болге не волнует. Их не жутк, их лишь равнодушны, как и к «Пантеону».

И это не потому, что из Райнов, гдъ живет Андрейе, стало видно Капр, являющиеся мстожительством «раввинизма» Горького, и не по тому, что «Шиповник» стал хуже. Они остались прежними, но мы все изменились, и от этого все болге чувствуется, что это «не то».

Все вокруг — «не то». Очерпал читателю альманахи, как и Пинкертон. Ничего, кроме безразлности, не возбуждають недавно еще модные — модные портнографы, надобны и веревтерные богостроители, и сутелные богостелатели, и самодовольные мистические апархисты.

Не то, все не то! Никому не вдрать теперь. Не вдрать ни Странку Славобческо-ско, ни молоду Чухомско, ни всезнающая марксистам, ни желающих ничего зная домороненных нишащаных...

Такое состояние может быть только переходным; возможно только на переломе. Длительнo такому не вдрать — психологически невозможно.

Они удают, они близки — новые идеи и слова, новые привизны, новые темы и новые автор. Они удают, они близки уже — новые молитвы и новый фанатизм. Пусть мертвые хоронят мертвых. «Завтра мысля многим нам прдана уверем... А сегодня с ликованием по могилам мы пройдем»...

— Спите, покойники! Вечная память заблудившим и разочарованным шагнам... Пусть больше составяют долю пошлеть судьба новому периоду, пусть горькой садышкой, вымг укорот, выкалжннн онь недания думи и переживания шагн!

V.

Какою будет надвигавшаяся новая эпоха, кто они, эти невдыные «силы», сь

болрыми лицами, с полными жита кошкнцами, — кто принесет нам новые мотивы и новые идеи? Такт наивно и по-ребнически хочется вдреть в силу и мощь педантского перелома.

Какою будет новая эпоха? Трудно и невыгодно быть провозом. Но все еднучиво и внимательно всмотреться — можно, дауется, уже и теперь набить какие то контуры и тона нового периода.

Вы помните, какая странная и какъ бы несожиданная пота проправало не так дла, въ многоголосом хорь веческих испанки? Неогародничество — такова была эта пота. «Мужик», «народ», «опрощение» — таковы нежиданнны были эти слова в устах г-г. декадентов. И недавно еще метавшн — въ небеса запустит анааолог — Андрей Белый, и прнтворжся Третьяковским Вячеслав Иваноы, и тондн и зысканный Александр Блок, и стиханно непосредственным Сергдй Голденщн — все одновременно стали вдруг говорить рефераты на тему о народн и о мужикн, в произведеннх всех их звучала вдруг новая, искренняя, наименозая Николаева ноты.

Неогародничество выступило впервые более должной продуманности и подготовки и не прнобрело той силы и влияния, какое подготовило ему историческим процессом в наши дни перелома. Оно все в будущем. Веселые феюлистности не успели еще использовать этой вошнстн смншной теме; стрижена длака не успела залестн волос, серитые критики не успели выругаться «предосудительными словами» — как неогародничество от нежиданннх вншнних проявлений ушло в глубь и временно какъ бы замолкло.

Перехотье нами пятнадцатие, начатое смертью Чехова, завершилось смертью Коммисаржевской.

Заканчивается сезон, завершающийся это пятнадцатие. Уйдут «на дачу» все, но вернутся немного. Большая переонция плнностей надвигается на нас. Горе тьга, какъ свдтлнннн окажется пустыни. Вотг — вотг, «считать мы станем раны, товарищ — читать». И когда я думаю о том, что идет на снбу известному периоду, — такнж важннж, такнж рвшающнж представляется мнн неогародничество, это возможность синтеза модернизма и мужика.

Серьга всегда давала силу нашей великой, нашей единственной литератур. Нашим модернизтам такт узасно неоставало истинной, всемдышнной думи о сергате. Молодой литератур нашей было такт же далеко до этой сергате, какъ сергачиному мужику далеко до литератур.

VI. — Модернизты? Что общаго у них с моднжн? с народом? Что они Гексба? скажут многие. Но есть декаденты и педантн.

В биографии Болдера есть слдующий типичный и любознательный штришок: В погоне за оригинальностью — Водлер, выкрасил однажды свои волосы в голубой цвтъ... Автор воспоминашн о немк передавал об этом, рассказывает, какъ, съ выкрашенными волосами, Водлер оправился в гости к своему знакомому, ожда удивленн при негодования, какъ разозлило и обидло Болдера, когда этого знакомый «на это» прнтворжся незамечая омиг оригинальности его вида...

Это, не правда ли, характерно, чрезвычайно характерно для всей психологн декадентства.

Но вот и другой, навояющнй на сопоставление факт: когда Верлен умирал, знаменитый и изстрадавшийся, онъ — рассказывал биографу — на смертном одр попросил, чтобы ему принесли золотого лака. И слабощей рукой Верлен водил кисточкой по всем окружающим предметам, красил золотом стулья, стены, ковры... Пусть все, все ярко... Все должно быть красиво! — шептал Верлен. «Голубые волосы» или «золотые стулья» — какой из этих двух, абсолютно рвличных по внутренней цнннстн своей символотъ станет девизом наших модернистов?

Жиня и литература находятся в безпреромном и могущем взаимодействии. Если жиня создает в литератур Обломовых, Рудннх, «длинных людей» и «людей из подполья» — то и литература, своими образами создает пошосу не только безосознательного подражания герою, свонот от Петровича и Вазарова до Санина и Наурского, но и всю психологн общества.

Идет на нас, гдъ то близки, пнтся и бурлит — широкая, многоводная, весенняя рба новой жини.

Пусть же мертвые хоронят мертвых! Пусть открывает отжившее, пусть крикнет, растет и шветет новое и нарождающееся.

Новая жиня создает новую литературу, новая литература освятит и расширит новую, настоящую жиню!

И. Васильевский (Ио-Булка).